

КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10267

УДК 94 (47)

М. В. Александрова

<https://orcid.org/0000-0002-4709-5663>

Ю. С. Никифоров

<https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

«Я хлопотал “по-культурному”»: советский гражданин в системе коммуникативных практик местной элиты (1950-1960 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00068

«Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950-1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти»

В статье осмысливается частная жизнь советского человека в системе коммуникативных практик местной элиты. В русле истории повседневности, советского массового сознания, современной парадигмы культурно-интеллектуальной истории актуализируется проблема соотношения индивидуальной и коллективной памяти. Исследуется историческая память рядового советского гражданина, отраженная в источниках личного происхождения; раскрывается специфика процессов концептуализации социально-исторических явлений и коммуникативных практик поздней советской эпохи на индивидуальном и групповом уровнях.

Статья опирается на ряд теоретических парадигм: теорию групповой динамики и социального поля К. Левина; информационную модель конформности М. Дойча и Г. Джерарда, согласно которой выделяют 2 вида влияния – нормативное («давление») и «информационное» («убеждение»); концепцию изобретения традиций Э. Хобсбаума; теорию мест памяти П. Нора; парадигму о социальных установках; теорию когнитивного соответствия Ф. Хайдера; концепцию социальных рамок памяти М. Хальбвакса; модель социального обмена Дж. Хоманса; теорию С. Московичи о коллективных и социальных представлениях; теорию фреймов И. Гофмана; теорию референтной власти Б. Коллинза и Б. Равена; идеи В. В. Нурковой об автобиографической памяти. На завершающей стадии проекта в ходе синтеза эмпирического материала исследование будет опираться на выделяемые в психологии когнитивные процессы категоризация и схематизация, выявленные Дж. Бруннером.

Источниковая база исследования представлена следующими ключевыми группами: архивные документы и материалы, источники личного происхождения (воспоминания и автобиографические очерки жителей верхневолжских регионов). Через изучение эпистолярного наследия, дневников и воспоминаний советских граждан, анализируются бытовые, трудовые, межличностные и межгрупповые аспекты взаимоотношений в советском обществе. Проанализированные источники позволили раскрыть сущность и практики взаимоотношений советского гражданина и персонализированной власти в 1950-60-е гг.

Ключевые слова: региональные элиты, СССР, коммуникативные практики, архивные документы, историческая память, советская провинция, поздний социализм, лоббизм.

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

M. V. Aleksandrova, Yu. S. Nikiforov

«I was Busy in a Cultural Way»: a Soviet Citizen in the System of Communicative Practices of the Local Elite (1950-1960)

The article interprets the private life of the Soviet man in the system of communicative practices of the local elite. The problem of the correlation of individual and collective memory is actualized in the mainstream of the history of everyday life, the Soviet mass consciousness, the modern paradigm of cultural and intellectual history,

The article examines the historical memory of an ordinary Soviet citizen, reflected in sources of personal origin, reveals the specifics of the processes of conceptualization of socio-historical phenomena and communicative practices of the late Soviet era at the individual and group levels.

The article is based on a number of theoretical paradigms: the theory of group dynamics and social field by K. Levin; the information model of conformality by M. Deutsch and G. Gerard according to which 2 types of influence are allocated standard («pressure») and «information» («belief»); the concept of inventing of traditions by E. Hobsbawm; the theory of places of memory by P. Nor; the paradigm about social ideas; the theory of cognitive compliance by F. Heider; the concept of social frameworks of memory by M. Halbwachs; the model of social exchange by J. Homans; S. Moscovici's theory about collective and social representations; the theory of frames by I. Goffman; the theory of the reference power by B. Collins and B. Raven; V. V. Nurkova's ideas about autobiographical memory. During a closing stage of the project during synthesis of the empirical material the research will rely on the cognitive processes allocated in psychology: categorization and schematization allocated by J. Bruner.

The source base of the study is represented by the following key groups: archival documents and materials, sources of personal origin: memories and autobiographical essays of residents of the Ivanovo, Kostroma, Vologda, Yaroslavl regions. Soviet society is analyzed through the study of the epistolary heritage, diaries and memoirs of Soviet citizens, the household, labor, interpersonal and intergroup aspects of relationships. The analyzed sources made it possible to disclose the essence and practices of the relationship of the Soviet citizen and the personalized power in the 1950-60-s.

Keywords: regional elites, the USSR, communicative practices, archival documents, historical memory, the Soviet province, late socialism, lobbyism.

Внимание к осмыслению *частной жизни советского человека* сегодня становится актуальным не только в русле истории повседневности и анализа советского массового сознания, но и в аспекте современной парадигмы культурно-интеллектуальной истории. Акцентируя проблему *соотношения индивидуальной и коллективной памяти*, Л. П. Репина говорит об открытости и историчности индивидуального сознания, его многоплановости, подразумевающей персональный, социокультурный и исторический аспекты [11, с. 15-17]. *Исследования культурной и исторической памяти рядового советского гражданина*, отраженной в источниках личного происхождения, позволяют раскрыть специфику процессов концептуализации социально-исторических явлений и коммуникативных практик советской эпохи – как на уровне индивида, так и на уровне микрогруппы. Материалом для данного исследования послужили разнообразные источники – архивные документы, опубликованные воспоминания и автобиографические очерки жителей Ярославской, Костромской и Вологодской областей, раскрывающие аспекты взаимоотношения человека и персонализированной власти в 1950-1960-е гг.

По мнению Н. Б. Лебиной, «ментальность советского человека – величайшая загадка в истории – в значительной степени формировалась под влиянием повседневной жизни» [8, с. 10]. В этом аспекте *изучение эпистолярного наследия, дневников и воспоминаний советских граждан, затрагивающих бытовые, трудовые, межличностные и межгрупповые аспекты взаимоотношений в советском обществе*, представляется особенно перспективным. При этом представители дистанцированных в советском обществе структур и социально-антропологических типов, характеризуя друг друга, воссоздают многогранную и иерархичную коммуникативную среду советской повседневности, полюсами которой вы-

ступали элита и «народ», понимаемый, в первую очередь, как масса «простых людей».

В целом, в советских дискурсивных практиках «советский народ» трактуется крайне расплывчато и широко: как общность людей, имеющих, помимо единой территории, экономики, культуры, государства, «общую цель – построение коммунизма» [4]; как идеологический конструкт, фигурирующий в газетных передовицах и лозунгах, художественный образ в советских агитационных плакатах. Литература, журналистика, кино в разное время предлагали разные выражения народного мифа, но, по словам П. Вайля и А. Гениса, «рабоче-крестьянская масса включалась в понятие “советский народ” таким образом, каким было выгодно тому, кто это понятие использовал» [5, с. 273]. В отличие от народа, его часть – «простой советский человек», – несмотря на свою «упрощенность» [9, с. 10], имеет самостоятельный голос в процессе формирования коллективной исторической памяти. Образ «простого советского человека» возник в советской массовой культуре во многом как антитеза бесправному «маленькому человеку» классической русской литературы и «старого» мира в целом. Однако, став речевым штампом советской эпохи, нередко употреблявшимся в ироничном контексте, он сблизился со своим литературным антитезой, стал определением скромного труженика, формально обладающего максимумом заложенных в Конституции прав и свобод, но зависящего в их реализации от всемогущей элиты. Артикуляция отношения к элите, способов взаимодействия с ней занимает важное место в личном опыте советского гражданина, в особенности – в ретроспективном осмыслении этого опыта, зафиксированном в воспоминаниях. Изученная мемуарная литература, освещающая 1950-1960-е гг., как правило, создавалась в постсоветский период, что, с одной стороны, позволяло авторам выйти за рамки советского идеологического дис-

курса, быть более свободными в оценках и характеристиках, а с другой – благодаря временной дистанции – обобщить прожитый опыт, акцентировать значимость конкретных коммуникативных практик в индивидуальной и коллективной культурной памяти.

В плане анализа исторической памяти статья опирается на ряд теоретических парадигм: теорию групповой динамики и социального поля К. Левина; информационную модель конформности М. Дойча и Г. Джерарда, согласно которой выделяется 2 вида влияния: нормативное («давление») и «информационное» («убеждение») [17]; концепцию изобретения традиций Э. Хобсбаума [23]; теорию мест памяти П. Нора [27]; парадигму о социальных установках; теорию когнитивного соответствия Ф. Хайдера [22]; концепцию социальных рамок памяти М. Хальбвакса [21]; модель социального обмена Дж. Хоманса [24]; теорию С. Московичи о коллективных и социальных представлениях [26]; теорию фреймов И. Гофмана [18]; теорию референтной власти Б. Коллинза и Б. Равена [16]; идеи В. В. Нурковой об автобиографической памяти [10]. На завершающей стадии проекта в ходе синтеза эмпирического материала исследование будет опираться на когнитивные процессы, выделяемые в психологии Дж. Бруннером [15], – категоризацию и схематизацию.

Важным для данного исследования становится и то, что в анализируемых воспоминаниях представителей региональной элиты взаимодействие с «маленьким человеком», напротив, практически не акцентируется, остается за кадром. Так, воспоминания Ю. В. Абросимова [1], прошедшего путь от сельского комсорга до руководителя Угличского райпотребсоюза, а затем – председателя обкома профсоюза работников потребкооперации и иных форм предпринимательства, содержат детальные характеристики коллег и начальства – представителей районной элиты, но, несмотря на специфику работы автора, фактически не касаются коммуникации с «простыми» людьми. В частности, о населении села Заозерье упоминается лишь (в абстрактно-историческом контексте), что «здесь жили своеобразные мастеровые, с мещанскими ухватками люди», а при описании инспекторской проверки в селе Каравайцево вскользь говорится, что она «завершилась большим застольем и выпивкой русской горькой с дегустацией отличных рыжиков» [1, с. 51-53]. Показательно, что представитель районного руководства во взаимодействии с «простым человеком» акцентирует, главным об-

разом, производственный аспект коммуникации (инструктаж, инспекция, оценка), а в мемуарах, в соответствии с дискурсом власти, широко использует клише, подменяя человека безликим «советским народом».

Другой пример личностного восприятия коммуникации человека и власти являются воспоминания И. Я. Юрова [14] – выходца из крестьянской среды, ставшего в первые послереволюционные годы убежденным агитатором за советскую власть, заведующим совхозом, основателем одной из первых крестьянских «коммун» в Вологодской губернии, директором льнозавода в Костромской области, «ответственным работником», а затем – исключенным из партии, черноработчим, портным, сторожем, практически ничем. В течение жизни он неоднократно занимал положение деятельного представителя местной элиты, но, искренне разделяя идеологию новой власти, не мог адаптироваться к реалиям советской действительности 1920-30-гг. Скончавшись в 1964 г., Иван Юров последние 20 лет жизни прожил в деревне, оказавшись по-настоящему «маленьким человеком» со скромной пенсией. По свидетельству сына мемуариста (ставшего первым редактором его воспоминаний), Юров и в старости «не мог мириться с тем, что видел вокруг: бесхозяйственность, воровство, коррупцию. Обо всем этом он писал в газеты – чаще в районную, реже в областную, еще реже в центральные». Характерна и реакция местной власти: сотрудник районной газеты приходил к Юрову с уговорами «больше писать о положительном» [14, с. 476]. Активная позиция деревенского пенсионера эпохи «оттепели», его наивная уверенность в эффективности коммуникации с властью путем открытого и безадресного обращения в газету базировалась на жизненном опыте мемуариста – представителя предшествующего поколения советской элиты. И. Я. Юров во многом соответствовал типу «идеального руководителя» эпохи первой пятилетки, описанному Ш. Фицпатрик: «отнюдь не тип кабинетного чиновника. Он не боялся месить грязь на стройке, был суров к себе и другим, если надо – безжалостен, неутомим и практичен» [20, с. 43]. Однако подобный опыт бескомпромиссной коммуникации, апеллирующий к догматам идеологии, в позиции «маленького человека» оказывается неактуальным.

По определению Ю. А. Левады, в послевоенные десятилетия «политизированная элита» сменяется «административной (брежневской)», закрытой по характеру [9, с. 7]. Зарубежные уче-

ные развивают данный тезис. Так, литовский исследователь В. Иванаускас выделяет такие типы «административной (брежневской)» элиты, как технократы, партocrats и научно-культурная номенклатура [25]. В эпоху Брежнева система практик взаимодействия региональной элиты и центра претерпела изменения в направлении более мягких и гибких форм. Совокупность этих практик профессор Манчестерского университета Й. Горлицкий обозначил термином «доверие к кадрам» («trust in cadres») [19], обернувшееся в 1970-1980-е гг. феноменом «руководителей-должителей» в регионах и геронтократией в ЦК КПСС.

Дистанция, разделяющая «простого человека» и представителя элиты, ощущается на визуальном и бытовом уровне, проявляется в особых дискурсивных нормах и коммуникативных практиках. Чаще всего инициатива диалога гражданина с властью связана с такими аспектами, как жилье и карьера, реже – с понятиями социальной справедливости и общего блага. Специфика жилищного вопроса в советском государстве была заложена самой системой государственного распределения жилья, на первых порах сопровождавшегося активной борьбой с мещанским бытом и сокращением пространства частной жизни человека до абсурдных норм в 1,5 м² [2, с. 382]. Отказавшись от экспериментов по ликвидации семьи и созданию домов-коммун, власть маскировала реальную нехватку жилья пропагандой коллективизма и иллюзией благополучия, транслируемой в массовой культуре, в том числе на киноэкране, где идеализировались рабочие общежития, а коммунальные квартиры, бывшие основной формой жилья в крупных городах, по выражению С. Бойм, напротив, «становились невидимыми» [3, с. 175]. В этой ситуации потребность в расширении или улучшении качества жилплощади оказывалась вне официального дискурса, требуя частного обращения «маленького человека» к конкретным представителям элиты. В сельской местности, где жилищные проблемы решались силами населения, а совместное проживание многопоколенной семьи подкреплялось традицией, к подобным обращениям прибегали лишь в экстренных случаях. Так, по воспоминаниям жителя села Стрелы Ростовского района Ярославской области К. А. Степанова, в 1954 г. созданная в целях мелиорации протока подмыла берег, угрожая обрушению двух домов. Их обитатели, чудом пережив весенний паводок, обратились за помощью к председателю колхоза. Дома решили сломать, но, «идя навстречу людям,

оказавшимся в беде, колхоз решил выделить домохозяевам по 10 тысяч рублей для покупки других домов» [12, с. 292].

В городах, где жилищный вопрос стоял куда острее, коммуникация с представителями местной власти носила более сложный характер. В частности, более 50 % писем и жалоб, поступающих в Ярославский областной комитет КПСС от населения в 1966 г., касались вопросов улучшения жилищных условий. При этом отчет заведующего общим отделом Ярославского обкома В. Смирнова не содержит данных о принятии конкретных мер, доля удовлетворенных заявлений и жалоб, ограничиваясь общими фразами о ежегодном увеличении объемов жилищного строительства, в том числе – за счет личных сбережений трудящихся, а также принятии постановления по вопросу улучшения жилищных условий гражданам Ярославля, проживающим в аварийных домах и бараках [13, л. 48].

Устные, персонализированные обращения к представителям элиты чаще всего также оказывались безрезультатны. В воспоминаниях конструктора Ярославского завода резинотехнических изделий А. Н. Денисова [7] говорится о безуспешности попыток установления «культурного» диалога с руководством завода о расширении жилплощади: «нас в квартире жило я с женой, также работающей на этом заводе, дочка и сын с женой. 5 человек на площади 27 м². Но я хлопотал “по-культурному”. Приходил на прием к директору, он мне говорил: «Ничего нет, Альберт Николаевич» и я, поговорив минут 5, отправлялся восвояси. И так, из раза в раз, из года в год» [7, с. 185].

Вместе с тем Денисов упоминает и шокирующие эпизоды попыток коммуникации по жилищному вопросу: одна из его соседок по коммунальной квартире жила в девятиметровой комнате с сыном, снохой, маленьким внуком и вторым сыном, вернувшимся из колонии. «Начинаются скандалы, дело доходит до драк. Эта женщина, ветеран Шинного завода, вдова погибшего на фронте рабочего, стояла в очереди на квартиру. Очередь ее подошла, но при распределении ее отодвигают, и уже не в первый раз. Измученная теснотой, семейными дразгами и беспросветностью, женщина, мать, жена погибшего воина, берет бутылку с каустиком (ядовитое вещество, применяемое в технологии шинного производства), заходит в кабинет зам. директора и выпивает его. Спасти ее не удалось... Но в какой-то степени она решила проблему своих сыновей – женатому выделяют комнату... О таких случаях

пресса не писала, но ветераны завода его помнят. Трагедий, связанных с жилищной проблемой, было много» [7, с. 87]. О том, каким образом «маленький человек», на законных основаниях и в порядке очереди претендующий на жилплощадь, мог быть «обойден», «отодвинут», даже мемуарные источники говорят обиняками, подразумевая известные и распространенные в советской практике негласные стратегии коммуникации с элитой по жилищному вопросу: коррупцию и «блат».

В. Травин, работавший рядовым водителем автобуса в Кинешме Ивановской области, но при этом становившийся героем репортажей центральных газет и телевидения, имевший Ордена Трудовой Славы за мастерство и сверхурочную работу, вспоминая о конфликтах с местным горкомом партии и его первым секретарем, упоминает, что система распределения жилья становилась инструментом давления на «неудобных», одним из факторов здесь могла выступать личная неприязнь. «Все пьяницы, пришедшие после меня, получили квартиры, а мне не дали. Я продолжал ждать свою квартиру за свои деньги в кооперативе», – вспоминает Травин. Ситуацию он объясняет так: «...у отдельных товарищей из руководства была бешеная зависть», «руководители были на меня... очень злы, так как на всех партийных собраниях я нещадно их песочил» [6].

Другая доля частных обращений к власти, выходящих за рамки декларируемой системой официальной практики, касалась трудовых отношений в коллективе, вопросов карьерного роста и связанных с ним аспектов благосостояния, престижа. При этом локальный конфликт с участием «маленького человека» мог стать причиной серьезных кадровых перестановок, затрагивая и самих представителей местной элиты. Так, в документах Ярославского обкома КПСС констатируется инцидент, связанный с жалобой преподавателя кафедры русского языка Ярославского педагогического института В. В. Селезневой, дошедшей до Центрального комитета КПСС. Из документа следует, что, будучи несогласной с решением совета института об отказе ей в переизбрании на должность, Селезнева в письменных обращениях к представителям регионального и центрального партийного руководства отметила многочисленные нарушения трудовой дисциплины преподавательским составом института, обличив аморальные поступки коллег, «семейственность» на кафедре и т. п. Жалоба рядового преподавателя, имеющего, как следует из документа, нездоровые взаимоотношения с членами коллектива, повлекла за собой масштабные последствия: разбором данной ситуации занимались партийное бюро факультета, партбюро института, отдел школ обкома партии, управление кадров Министерства просвещения РСФСР. В результате был назначен новый ректор, «укреплены» составы руководящих партийных, профсоюзных, комсомольских органов института, привлечен к партийной ответственности и отстранен от должности заведующий кафедрой педагогики, уволены несколько преподавателей. При этом, признавая «существенные недостатки в работе с педагогическими кадрами и в учебно-воспитательной работе» института, Ярославский обком КПСС вместе с тем констатировал необъективность и необоснованность претензий самой Селезневой, отказ в переизбрании которой был признан справедливым [13, л. 38].

Водитель В. Травин демонстрирует сходную тактику обращения «наверх» в обход местного начальства. Приняв социальное обязательство установить рекорд всесоюзного масштаба (довести пробег автобуса до миллиона километров без капремонта), он не встретил поддержки руководства, не желавшего рисковать. Травин решил жаловаться на самый верх – первому секретарю обкома партии Ивановской области – и встретил там поддержку. Рекорд был установлен [6].

Водитель В. Травин демонстрирует сходную тактику обращения «наверх» в обход местного начальства. Приняв социальное обязательство установить рекорд всесоюзного масштаба (довести пробег автобуса до миллиона километров без капремонта), он не встретил поддержки руководства, не желавшего рисковать. Травин решил жаловаться на самый верх – первому секретарю обкома партии Ивановской области – и встретил там поддержку. Рекорд был установлен [6].

Публичное противостояние местной элите посредством обращения в вышестоящие органы, по свидетельству мемуаристов, было скорее исключением. В частности, А. Н. Денисов описывает случай, когда скандальный, но высококвалифицированный и потому ценный начальством электросварщик Махов повел борьбу с заводским руководством за «восстановление справедливости». Причиной послужило лишение бригады значительной денежной премии, составлявшей до 80 % зарплаты, из-за срыва сроков ремонта котла. Одна из деталей, необходимых для ремонта, поступила на завод с браком, и рабочие не были виноваты в задержке. «Махов повел борьбу за эту премию, и не столько за премию, но и за справедливость... Это ему стоило не только трудов, но и нервов. Для того, чтобы подать в суд на администрацию, надо было собрать подписи, а многие боялись это сделать. Да и начальство его уговаривало и угрожало. Но Махов добился справедливого судебного решения» [7, с. 64-65].

Таким образом, анализ источников показывает, что поводы для обращения простого советского гражданина к элите, в первую очередь, касались прагматической стороны повседневной

жизни, улучшение которой оказывалось невозможным в рамках обычной системы распределения материальных благ в советском обществе. Как правило, устные, персонализированные обращения к представителям элиты оказывались безрезультатны. Частные обращения к власти, выходящие за рамки декларируемой системой официальной практики, касалась жилищного вопроса, трудовых отношений в коллективе, вопросов карьерного роста и связанных с ним аспектов благосостояния, престижа. Публичное противостояние местной элите посредством обращения в вышестоящие органы, по свидетельству мемуаристов, было скорее исключением. Однако иногда локальный конфликт с участием «маленького человека» мог стать причиной кадровых перестановок в структуре местной элиты. В эпоху позднего социализма во взаимодействии простого советского гражданина и местной элиты широкое распространение получили такие негативные негласные практики коммуникации, как коррупция и «блат».

Библиографический список

1. Абросимов, Ю. В. Размышления о былом, прошедшем и настоящем... или некоторые страницы жизни 70 лет XX столетия [Текст]: автобиографические записки: в 2 т. / Ю. В. Абросимов. – Ярославль, 2001. – Т. 1. – 100 с.
2. Александрова, М. В. Частное пространство в российском городе XIX-XX вв.: квартирный вопрос и границы личного [Текст] / М. В. Александрова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 379-384.
3. Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни [Текст] / Светлана Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 310 с.
4. Большая Советская Энциклопедия [Текст]. – М., 1976. – Т. 24. – I. – С. 25.
5. Вайль, П., Генис, А. 60-е. Мир советского человека [Текст] / П. Вайль, А. Генис. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 368 с.
6. В Кинешме впервые опубликовали воспоминания почетного гражданина города [Электронный ресурс] // Кинешемец.ру. – URL: <https://kineshemec.ru/news/obshhestvo-zhizn/v-kineshme-vpervyje-opublikovali-vospominaniya-rochetnogo-grazhdanina-goroda-12625.html>
7. Денисов, А. Н. Любительские снимки прошлого (записки пенсионера) [Текст] / А. Н. Денисов. – [Испр. и доп. вариант]. – Ярославль, 2017. – 336 с.
8. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки [Текст] / Н. Б. Лебина. – СПб., 2006. – 444 с.
9. Левада, Ю. А. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм [Текст] / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 2 (52). – С. 7.
10. Нуркова, В. В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования [Текст] / В. В. Нуркова // Вестник Московского университета. – Сер. 14. Психология. – 2011. – № 1. – С. 79-91.
11. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) [Текст] / Л. П. Репина. – Препринт WP6/2003/07 – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
12. Степанов, К. А. Степановы – история одного рода. Генеалогическое исследование [Текст] / К. А. Степанов. – Ростов Великий, 2012. – 817 с.
13. ЦДНИ ЯО. – Ф. 272. – Оп. 229. – Д. 168.
14. Юров, И. Я. История моей жизни [Текст] / И. Я. Юров / ред. А. Голицын. – Рыбинск, 2017. – 548 с.
15. Bruner, J. S., Goodnow, J. J., Austin, G. A. A study of thinking / J. S. Bruner., J. J. Goodnow, G. A. Austin. – Oxford, England, 1956.
16. Collins D. E., Raven B. H. Group Structure: Attraction, Coalitions, Communication and Power / D. E. Collins, B. H. Raven // The Handbook of Social Psychology. Ed. G. Linzey, E. Aronson. 2nd ed. Reading (MA): Addison-Wesley, 1968, v. 4, p. 102-204.
17. Deutsch, M., Gerard, H. A Study of Normative and Informational Social Influence upon Individual Judgment / M. Deutsch, H. Gerard // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1955. – № 51. – С. 629-636.
18. Goffman E. Strategic Interaction / E. Goffman. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. – 149 p.
19. Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev / Y. Gorlizki // Slavic Review. – 2010. – № 69(3). – P. 676-700.
20. Fitzpatric, S. Everyday Stalinism / Sheila Fitzpatric. – New York Oxford, 1999. – 336 p.
21. Halbwachs, M. Les cadres sociaux de la mémoire / Maurice Halbwachs. – Albin Michel, 1994. – 367 p.
22. Heider, F. The psychology of interpersonal relations / F. Heider. New York: John Wiley & Sons, 1958. – 322 p.
23. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge University Press, 1992. – 320 p.
24. Homans, G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms / G. C. Homans. – New York: Harcourt, 1961. – 404 p.
25. Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarpstagnacijos ir dinamikos (1968-1988) / V. Ivanauskas. Vilnius, 2011. – 664 p.
26. Moscovici, S. Social Representations: Explorations in Social Psychology / Serge Moscovici, edited by Gerard Duveen. – Polity Press, 2000.
27. Nora P. Mémoire collective // La Nouvelle Histoire / Eds. J. Le Goff, R. Chartier, J. Revel. P.: Retz-CEPL, 1978, p. 398-401; P. 398.

Reference List

1. Abrosimov, Ju. V. Razmyshlenija o bylom, proshedshe i nastojashem... ili nekotorye stranicy zhizni 70 let HH stoletija = Reflections about former, past and real... or some pages of life 70 years of the XX century [Tekst] : avtobiograficheskie zapiski : v 2 t. autobiographical notes: in 2 v./ Ju. V. Abrosimov. – Jaroslavl', 2001. – T. 1. – 100 s.
2. Aleksandrova, M. V. Chastnoe prostranstvo v rossijskom gorode = XIX-XX vv.: kvartirnyj vopros i granicy lichnogo = Private space in the Russian city of the XIX-XX: housing problem and borders of private [Tekst] / M. V. Aleksandrova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. Jaroslavl pedagogical bulletin – 2016. – № 6. – S. 379-384.
3. Bojm, S. Obshhie mesta: Mifologija povsednevoj zhizni = Common places: Mythology of everyday life [Tekst] / Cvetlana Bojm. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 310 s.
4. Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija = Great Soviet Encyclopedia [Tekst]. – M., 1976. – T. 24. – I. – S. 25.
5. Vajl', P., Genis, A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka = The 60-s. World of the Soviet man [Tekst] / P. Vajl', A. Genis. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – 368 s.
6. V Kineshme vpervye opublikovali vospominanija pochetnogo grazhdanina goroda = In Kineshma the honourable citizen's memoirs have been published for the first time [Elektronnyj resurs] // Kineshemec.ru. – URL: <https://kineshemec.ru/news/obshhestvo-zhizn/v-kineshme-vpervye-opublikovali-vospominanija-pochetnogo-grazhdanina-goroda-12625.html>
7. Denisov, A. N. Ljubitel'skie snimki proshlogo (zapiski pensionera) = Amateur pictures of the past (note of the pensioner) [Tekst] / A. N. Denisov. – [Ispr. i dop. variant]. – Jaroslavl', 2017. – 336 s.
8. Lebina, N. B. Jenciklopedija banal'nostej: Sovetskaja povsednevnost': kontury, simvol'y, znaki = Encyclopedia of banalities: Soviet daily occurrence: contours, symbols, signs [Tekst] / N. B. Lebina. – SPb., 2006. – 444 s.
9. Levada, Ju. A. «Chelovek sovetskij»: problema rekonstrukcii ishodnyh form «Soviet person»: problem of reconstruction of initial forms [Tekst] / Ju. A. Levada // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. Monitoring of public opinion: economic and social changes. – 2001. – № 2 (52). – S. 7.
10. Nurkova, V. V. Avtobiograficheskaja pamjat' s pozicij kul'turno-dejatel'nostnoj psihologii: rezul'taty i perspektivy issledovanija = Autobiographical memory from positions of cultural and activity psychology: results and prospects of a research [Tekst] / V. V. Nurkova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Ser. 14. Psihologija. Bulletin of Moscow university. – Series. 14. Psychology. – 2011. – № 1. – S. 79-91.
11. Repina, L. P. Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisanija (istoriograficheskie zametki) = Cultural memory and problems of describing history (historiographic notes) [Tekst] / L. P. Repina. – Preprint = WP6/2003/07 – M.: GU VShJe, 2003. – 44 s.
12. Stepanov, K. A. Stepanovy – istorija odnogo roda. Genealogičeskoe issledovanie = The Stepanovs – history of one family. Genealogical research [Tekst] / K. A. Stepanov. – Rostov Velikij, 2012. – 817 s.
13. CDNI JaO. CDSI YaR– F. 272. – Op. 229. – D. 168.
14. Jurov, I. Ja. Istorija moej zhizni = History of my life [Tekst] / I. Ja. Jurov / red. A. Golicyn. – Rybinsk, 2017. – 548 s.
15. Bruner, J. S., Goodnow, J. J., Austin, G. A. A study of thinking / J. S. Bruner., J. J. Goodnow, G. A. Austin. – Oxford, England, 1956.
16. Collins D. E., Raven B. H. Group Structure: Attraction, Coalitions, Communication and Power / D. E. Collins, B. H. Raven // The Handbook of Social Psychology. Ed. G. Linzey, E. Aronson. 2nd ed. Reading (MA): Addison-Wesley, 1968, v. 4, p. 102-204.
17. Deutsch, M., Gerard, H. A Study of Normative and Informational Social Influence upon Individual Judgment / M. Deutsch, H. Gerard // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1955. – № 51. – S. 629-636.
18. Goffman E. Strategic Interaction / E. Goffman. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. – 149 r.
19. Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev / Y. Gorlizki // Slavic Review. – 2010. – № 69(3). – P. 676-700.
20. Fitzpatric, S. Everyday Stalinism / Sheila Fitzpatric. – New York Oxford, 1999. – 336 p.
21. Halbwachs, M. Les cadres sociaux de la mémoire / Maurice Halbwachs. – Albin Michel, 1994. – 367 p.
22. Heider, F. The psychology of interpersonal relations / F. Heider. New York: John Wiley & Sons, 1958. – 322 r.
23. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge University Press, 1992. – 320 r.
24. Homans, G. S. Social Behavior: Its Elementary Forms / G. S. Homans. – New York: Harcourt, 1961. – 404 p.
25. Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarpstagnacijosirdinamikos (1968-1988) / V. Ivanauskas. Vilnius, 2011. – 664 r.
26. Moscovici, S. Social Representations: Explorations in Social Psychology / Serge Moscovici, edited by Gerard Duveen. – Polity Press, 2000.
27. Nora P. Mémoire collective // La Nouvelle Histoire / Eds. J. Le Goff, R. Chartier, J. Revel. P.: Retz-CEPL, 1978, p. 398-401; P. 398.